

А.Б. Максимов

ДЕЛО № 17-062

АТОМНАЯ
БОМБА
АНАТОЛИЯ ЯЦКОВА

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Анатолий Максимов

Атомная бомба Анатолия Яцкого

«ВЕЧЕ»

2017

Максимов А. Б.

Атомная бомба Анатолия Яцкова / А. Б. Максимов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Гриф секретности снят)

Анатолий Яцков – знаменитый отечественный разведчик, внесший огромный вклад в развитие научно-технической разведки СССР. Новая книга ветерана разведки А.Б. Максимова рассказывает о судьбе А.А. Яцкова и становлении советского атомного проекта. Впервые подробно освещается вклад разведки в научно-технические разработки страны.

© Максимов А. Б., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	6
Предисловие. Герои отечества – эхо войны	7
Глава 1. Первые шаги в разведке	11
Призыв в неведомое	12
В центре и за океаном	15
Агент из рук аса разведки	20
Глава 2. Вокруг атомной бомбы	23
Политика и бомба	24
Три «гениальных» пророчества	27
Атомная разведка в штатах	33
Бомбы Пентагона на русских картах	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Борисович Максимов

Атомная бомба Анатолия Яцкова

© Максимов А.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

От автора

Атомных разведчиков, Героев России, было шестеро – разведчики Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов, Анатолий Яцков и спецагенты-интернационалисты Морис и Леонтина Коэн. И только двоим Звезды Героя удалось получить при жизни – Барковскому и Феклисову.

Первая книга об атомных делах госбезопасности появилась из-под пера атомного разведчика Александра Феклисова, а вот о его трех коллегах – идеологе и стратеге атомной разведки Леониде Квасникове, историографе НТР (научно-технической разведки) Владимире Барковском и воспитателе молодых разведчиков Анатолии Яцкове – работа в биографическом аспекте начата была только в новом столетии.

Почему автор рискнул взяться за работу по подготовке рукописей биографического толка о столь знаменитых разведчиках? Причин несколько, и одна из них, возможно, главная: автор был молодым коллегой Квасникова (тот принимал его в ряды НТР в конце 50-х годов), а его руководителями на ниве НТР в штаб-квартире разведки и «кузнице кадров» были Яцков и Барковский, причем с перерывами в 60–90-е годы.

Второе стимулирование интереса к этим замечательным личностям – коллегам автора стал подарок историографа Барковского. Незадолго до кончины он передал автору свой открытый архив – публикации его и о нем с его заметками на полях, личные записки, неизданные рукописи...

Но, работая над материалами, полученными от Владимира Борисовича, и иными публикациями, автор столкнулся с обилием сведений об остальных атомных разведчиках. И сразу после издания книги о Барковском автор свое внимание переключил на подготовку рукописей о Квасникове и Яцкове. Тем более что личностью Леонида Квасникова заинтересовалось одно из издательств, которое попросило автора подготовить рукопись, а когда она была готова, отказалось издавать ее под предлогом деловых трудностей на рынке распространения.

Так овладение автора архивом Барковского привело к работе над тремя рукописями. И это была вторая причина занятости в работе над биографиями трех разведчиков. И третья веская причина: личное огромное впечатление, стремление и благодарное желание поговорить о прекрасных личностях разведчиков, его старших коллег, сыгравших большую роль в жизни автора.

Анатолий Антонович Яцков, как и Барковский, многие годы был Учителем автора в оперативных, преподавательских и жизненных делах. От Анатолия Антоновича пришла помощь нашим ученым-ядерщикам в работе над отечественным оружием и в создании атомной промышленности в стране. Но еще во время войны и после нее он добывал информацию по авиа-ракетной технике, электронике, специальным материалам, без которых современная военная техника не поползет, не полетит и не поплывет. И потому велика его заслуга перед Отечеством в помощи при создании отечественного ракетно-ядерного щита.

И все же у читателя может сложиться впечатление, возможно, неясность: почему автор рискнул работать над биографиями таких замечательных людей – уникальных личностей? Возможно, это будет воспринято нескромным признанием автора. Но...

Дело в том, что на счету автора работа над биографией удивительного Феномена в истории мирового научно-технического развития – гения электричества Николая Теслы. Менее чем за десять лет автором опубликованы о нем книги в нескольких издательствах. Причем они переиздавались не раз общим тиражом почти сорок тысяч экземпляров.

И теперь следует признаться еще в одной причине безудержной тяги автора к перу и бумаге: эти замечательные люди – ЛИЧНОСТИ, ПАТРИОТЫ и ПРОФЕССИОНАЛЫ, увлечься биографиями которых можно, лишь *полюбив* их жизненный подвиг...

Предисловие. Герои отечества – эхо войны

Война... Тысячелетие российская государственность испытывала несправедное стремление Запада искоренить ее. Прошлые столетия не были исключением, более того, только на его первую половину пришлось несколько войн, и среди них самые разрушительные – Первая и Вторая мировые.

Для Советской России непредсказуемо трагической стала Великая Отечественная война. В ее годы правительству и военачальникам требовалось активное участие разведки, как в преддверии и канун войны, так и в ходе ее ведения и в послевоенный период.

Советская Россия была истощена и обессилена войной, разрушены тысячи городов и деревень. По мнению наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции, сокрушение СССР не представляло трудностей. Такая вот упреждающая информация приходила к советскому руководству из лондонской резидентуры и из-за океана.

Наша разведка знакомила правительство в Кремле с секретными планами на основе директив высших эшелонов власти в Белом доме, Капитолии и Пентагоне: *«первый удар по 20 городам...», «сбросить 133 атомные бомбы на 70 городов...», «сбросить 300...»* План «Троян» предусматривал дату начала военных действий в 1950 году. Это задумывали разбогатевшие на войне Соединенные Штаты, на землю которых не упала ни одна бомба, а *«на каждого американца, убитого на войне, приходилось пятьдесят умерших русских»*. И начали бы, и сбросили бы, но...

Но наступил август 1949 года: была наша первая отечественная атомная бомба и ликвидирована американская монополия на владение ядерным оружием. Жить было трудно, восстанавливалось сметенное войной хозяйство, но бомбу все же сделали.

Это был подвиг всех тех, кто воссоздал к жизни атомную отрасль промышленности нашего Отечества – ученые, специалисты, рабочие и разведчики. И это к ним было обращено вешнее признание в том же году в Кремле: *«Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испытали бы этот заряд на себе...»*

Война дала Отечеству тысячи Героев на полях сражений и десятки – в среде разведчиков в тылу врага на временно оккупированной советской территории. Разведка госбезопасности вела борьбу с позиции резидентур воюющих стран и в тылу германских войск с позиции подполья, спецпартизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп.

Проходили годы и десятилетия, и эхо войны открыло еще несколько имен – Героев тайного фронта. Через пятьдесят лет после Победы Золотые Звезды нашли своих Героев, правда, не всех застав в живых.

Это были Герои России, награжденные в мирное время за подвиг в годы войны и сразу после нее. В указе было коротко сказано: *«За выполнение специального задания правительства и проявленные при этом мужество и героизм»*. Их было шесть атомных Героев: разведчики Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов, Анатолий Яцков и разведчики-интернационалисты Морис и Леонтина Коэн.

Их объединяла одна благородная цель – проникнуть за стену секретности, возведенную в Англии и США вокруг центров создания атомной бомбы. Монопольно владея атомной бомбой, «сильные мира сего» за океаном и на Британских островах намеревались использовать ее против «вышедшей из кровавой бойни» Советской России.

* * *

Чекисты Барковский, Феклисов и Яцков, разведчики-атомщики во главе с разведчиком-ученым Квасниковым, пришли в органы госбезопасности в 1938 и 1939 годах, причем сразу в стены научно-технической разведки. Все они вышли из рабочей среды и получили высшее образование в технических вузах Москвы.

Интерес к их инженерной специальности проявил начальник ИНО – Иностранного отдела госбезопасности Павел Фитин. Его кредо в подборе кадров в разрушенную репрессиями разведку заключалось в том, чтобы пришли молодые технари, как наиболее подготовленные для будущей конкретной разведывательной работы. Из шести Героев только двоих – Барковского и Феклисова – награждение застало на этом свете. Но все они внесли выдающийся вклад в дело обеспечения безопасности нашего Отечества.

«Великолепная четверка» разведчиков-атомщиков пришла не на пустое «разведывательное поле». Была серьезная преемственность от коллег из 30-х годов, а это весьма небольшая группа первоклассных профессионалов, создавшая плеяду агентов – основу атомной агентурной сети по обе стороны Атлантики. Все причастные к атому разведчики и агенты, десятилетиями работая по линии научно-технической разведки, отличились в информационном обеспечении советских ученых и специалистов секретными сведениями о работах на Западе над ядерным оружием.

Об этом коллективном участии разведчиков и агентов емко сказал разведчик-атомщик и историограф НТР Владимир Барковский (1979):

«В годы войны с помощью НТР закладывался потенциал наших вооруженных сил, что не позволило странам – членам НАТО во главе с США разговаривать с Советским Союзом с позиции силы».

В дни появления указа о присвоении ему и его соратникам высшей награды Родины Герой России Александр Феклисов говорил:

«Очень сожалею, что столь почетную награду не получили при жизни Леонид Романович Квасников и Анатолий Антонович Яцков, замечательные разведчики-профессионалы и мои товарищи по нью-йоркской резидентуре...» Он подчеркнул, что работа сотрудников разведки чаще всего остается в тени и отмечается лишь спустя многие годы: *«Такова специфика нашей профессии...»*

* * *

... До прихода в органы госбезопасности четверых будущих Героев общность их жизни заключалась в следующем: самый старший из них – Леонид Квасников (1905 года рождения) – работал строителем, машинистом, окончил институт химического машиностроения, инженер-новатор; Владимир Барковский (1913) – слесарь, рабфак, институт станкостроения, аэроклуб; Александр Феклисов (1914) – ФЗУ, ремонтник паровозов, машинист, институт связи; Анатолий Яцков (1913) – разнорабочий, строитель, слесарь, институт полиграфии, аэроклуб.

Но атомных Героев было шесть... Двое из них – это добровольные помощники Морис и Леонтина Коэн. Мужественные разведчики с испанским прошлым стали главным звеном в потоке разведывательной информации в цепи «агент – связник – разведчик – резидентура – Центр – ученые»...

Именно с ними, связными, было доверено работать молодым разведчикам Феклисову и Яцкову. Именно о них руководитель НТР в нью-йоркской резидентуре Квасников в самом начале 1943 года говорил: *«...я отметил двух толковых молодых людей... Забрал их к себе...»*

Они были потом основными работниками, через которых я получал материалы от физиков...»

И именно эта чрезвычайно осторожная и весьма чувствительная работа с ценнейшими источниками секретной информации о разработке и изготовлении американской атомной бомбы возвела разведчиков через десятилетия на пьедестал Героев России. А связных Коэнов в Штатах – еще и за их нелегальную работу в Британии при проникновении в исследовательский центр создания атомных подводных лодок.

* * *

Родился Анатолий Антонович Яцков в 1913 году, 31 мая, на юге России, в городе Аккермане, под Одессой. (И вот что любопытно: все четверо появились на свет фактически на одном меридиане – 35-м градусе. Яцков – в городе, ставшем позднее Белгородом-Днестровским, севернее Барковский – в Белгороде, Квасников – под Тулой и Феклисов – в Москве.)

У Анатолия было три брата: средний Антон, в будущем крупный полиграфист; младший Павел, будущий разведчик в Латинской Америке. Через год после рождения первого сына, Анатолия, семья переехала в центр России, на Тамбовщину. Здесь, в Большой Грибановке, Анатолий окончил девятилетку, полтора года работал на местном сахарозаводе и затем переехал в Москву.

Рабочая среда закалила его и научила быть ответственным за порученное дело: живя в бараках на Яузе, в Нижних Котлах, строил гараж на Хамовническом плацу, слесарничал в мастерских и... учился. В 1937 году закончил Московский полиграфический институт и начал работать инженером-технологом на передовом предприятии – столичной Картографической фабрике имени Дунаева. Активно занимался в аэроклубе, в парашютной секции.

Был рекомендован в органы госбезопасности и после окончания во втором наборе вновь созданной ШОН – Школы особого назначения – некоторое время трудился в центральном аппарате разведки. В самый канун войны был направлен на работу в нью-йоркскую резидентуру.

В Штатах Анатолий Яцков занимался привлечением к сотрудничеству дружески настроенных к Стране Советов американцев, проводил операции по добычанию особо секретной и важной для нашей оборонной промышленности информации, руководил связными с учеными из центра разработки атомного оружия.

Проявляя инициативу и настойчивость, оперативную изобретательность, осуществлял связь с ценнейшими источниками информации и руководил их работой по заданиям линии НТР – авиационной, радиоэлектронной, атомной проблематике. Резидентуре, в состав которой входил Яцков, наряду с работой разведчиков в Британии, принадлежит поистине историческая заслуга. Благодаря ее работе советские органы госбезопасности получили обширную информацию – сведения, расчеты, схемы и чертежи по «Манхэттенскому проекту», которые дали нашим ученым и специалистам чрезвычайно полезные данные об уровне работ американцев над атомной бомбой.

Анатолий Антонович, подводя итог работе НТР в годы войны, с ярко выраженной государственной позиции заявлял:

«Самая достоверная и перспективная научно-техническая информация становится полезной только тогда, когда понимается ее значимость. Так случилось с информацией об атомном оружии.»

Нашу бомбу создавали ученые, инженеры, рабочие, а не разведка. В невероятно сложных условиях они сумели в короткие сроки создать атомный щит для Родины. Сведения, добытые разведкой, только ускорили эту работу».

В послевоенный период Анатолий Антонович занимал руководящие должности в разведке, выезжал в долгосрочные командировки на оперативную работу в страны Западной Европы и Востока – Францию, Иран, Афганистан. Длительное время руководил большой группой разведчиков по линии НТР с позиции ГДР.

Следуя традициям, заложенным идеологом и стратегом НТР Леонидом Квасниковым, он создал действенную учебную структуру в Институте разведки по подготовке молодых кадров для этой специфической линии работы.

Казалось бы, сухо и по-казенному звучит: *«Он на всех участках работы успешно справлялся с поставленными перед ним задачами»*. Но задачи-то были архиважными: он был опытным руководителем крупнейшего коллектива энтээровцев и чутким воспитателем молодого поколения разведчиков, а их «из-под его руки» вышла не одна сотня...

Имея за плечами такой жизненный и оперативный опыт, которым в разведке располагали единицы, Анатолий Антонович, по мнению большинства, наряду с широкими знаниями отличался принципиальностью, личной скромностью и отзывчивостью.

В 1985 году полковник Яцков вышел в отставку, но продолжал передавать свой бесценный опыт начинающим разведчикам, выступая в качестве «условного иностранца». Поддерживая тесный контакт с коллективом ветеранов разведки, часто выступал перед молодыми сотрудниками в Краснознаменном институте имени Ю.В. Андропова. В прессе нередко появлялись его статьи и рецензии о службе. На экране телевидения ас разведки делился своими воспоминаниями о годах работы на разведывательном поле...

* * *

Конечно, эта рукопись посвящена личности Анатолия Антоновича Яцкова, Гражданина, Профессионала, Патриота. Правда, делается попытка охватить не только его жизненное и оперативное пространство, но и поле деяний его коллег по службе и плодотворной работе НТР в рамках внешней разведки госбезопасности и народно-хозяйственной деятельности страны в целом. Ибо советская НТР была *«встроена в систему научной и технической полезности»* фактически всех отраслей индустрии Отечества и ее оборонного аспекта в условиях западных запретных санкций по участию России в международном разделении труда.

Вот почему «примеры из биографии НТР» прорываются на страницы рукописи с ее яркими представителями – разведчиками, их агентами – и творимыми ими операциями. А это неоднократные «моменты истины», когда правота упреждающей информации разведки в лице ее НТР в интересах Отечества признавалась и высоко оценивалась.

Анатолий Антонович десятилетия работал в «трех разведывательных средах»: в Старом и Новом Свете, в штаб-квартире НТР, на поприще подготовки разведчиков в кузнице кадров, а проще говоря, в когорте единомышленников и соратников и учеников-питомцев.

Герой России Анатолий Антонович Яцков, полковник, почетный сотрудник госбезопасности, запомнился нам – старому и новому поколению – как талантливый чекист-разведчик, добрый старший товарищ-наставник и светлая личность...

Глава 1. Первые шаги в разведке

Два будущих Героя России пришли в разведку одновременно, и их готовили «разведывательному ремеслу» в одной и той же лесной школе – ШОН – Школе особого назначения.

С 1939 года Анатолий Антонович Яцков и Александр Семенович Феклисов волею чекистской судьбы пройдут рука об руку по дорогам стран двух континентов, по одним и тем же разведывательным проблемам и даже в работе с одними и теми же источниками ценной научно-технической информации.

Это случилось в то время, когда газеты, журналы и особенно радио все еще вещали о происках «врагов народа». «Рука безопасности» давала о себе знать, но в среде обитания Яцкова и Феклисова потерь из-за арестов не было.

Наиболее верно, как бы за всю четверку атомных разведчиков, отношение к органам однажды на встрече с молодыми сотрудниками выразил Анатолий Антонович:

«Что касается моего внутреннего состояния, то оно было возвышенным. Я почти с благоговением смотрел на встречавшихся иногда на улице ребят в аккуратной военной форме, в гимнастерках, стянутых широким ремнем, с пистолетом и чекистской эмблемой на рукаве. Для меня это был цвет советской молодежи, самые верные, самые смелые, и в душе я завидовал им».

Призыв в неведомое

В конце зимы 39-го года к молодому кандидату партии подошел секретарь фабричного партбюро и сказал, что ЦК партии просил порекомендовать хорошего паренька для специальной работы. И Яцков пришел на Старую площадь.

В большом кабинете за столом сидели несколько человек, из которых Анатолию Антоновичу запомнился Павел Михайлович Фитин. Он в ту пору только что был назначен начальником ИНО – Иностранного отдела НКВД. Как Яцков понял позднее, здесь же сидел и его будущий начальник по спецшколе – Владимир Харитонович Шарманазашвили. Начальники были высокого звания. Анатолий Антонович вспоминал:

«Сейчас это кажется фантастикой, но тогда подбором кадров занимался сам руководитель внешней разведки, по современным меркам – начальник ПГУ. У меня для такой работы, как я считал, были в активе 28 парашютных прыжков. И вот ведь чудеса: в разведке это не понадобилось.

Потребовались совсем другие умения, и в первую очередь знание языка. В средней школе и в институте я учил немецкий. А тут, оказалось, и немецкий не нужен: попал во французское отделение.

Да и что я мог знать о работе разведки? Газеты почему зря клеймили иностранных шпионов и всю шпионскую деятельность. Складывалось впечатление, что они у нас секреты таскают, а мы у них ни-ни, только ловим чужих лазутчиков. И вдруг такой пассаж: надо самому становится охотником за секретами...»

ФИТИН Павел Михайлович (1907–1971). В органах госбезопасности с 1938 года. Возглавлял внешнюю разведку в 1939–1946 годах. В годы Великой Отечественной войны под его руководством действовали резидентуры в 27 странах: была получена 41 000 документальных материалов в интересах военно-политического руководства и вооруженных сил страны.

Разведка проникла в секреты создания американского атомного оружия, лишив в результате США на его монополию. По линии НТР закладывались основы создания передовой техники в области авиаракетостроения, радиоэлектроники, химии, мощных взрывчатых веществ, химбакоружия.

Уволен из органов в 1953 году.

...Дорога в разведшколу у Анатолия Антоновича началась летом того же года от... планетария, который возле зоопарка (никто не мог объяснить, почему место сбора курсантов разведшколы было облюбовано именно здесь; кстати, позднее курсантов стали именовать «слушателями»). Комендант объекта, вспоминал Яцков, усадил пополнение в машину и лихо домчал к расположенному за деревянным забором двухэтажному дому барачного типа. Лесной массив принял курсантов где-то за городом вблизи Горьковского шоссе. И прибыли сюда всего десять человек.

Год верой и правдой осваивал Яцков французский. Но к лету 40-го года фашисты оккупировали Францию, и советское загранучреждение, «под крышей» которого предстояло действовать Яцкову, закрылось.

* * *

Как и один из его соратников Феклисов, друг до последних дней, Анатолий Антонович признавал, и то только со временем, что приход в органы – это будет изменение в его судьбе и оно займет всю его последующую жизнь и ее образ. Он уйдет от прежних друзей и окажется

в сложнейшей и ответственной ситуации. Конечно, в тот начальный момент он не мог даже представить, что новый жизненный путь, причем выбранный не им, но для него, станет трудно предполагаемым испытанием.

...Условия и особенности обучения, как это восприняли и другие будущие разведчики из его когорты, были для Яцкова почти шокирующими. Ибо это не была типовая школа обучения, как это случалось на рабфаке, ФЗУ или в вузе. Краеугольным камнем стало, говоря прямо, практическое натаскивание с большой долей требования творческого подхода. И делали это не «классические преподаватели», а реальные, действующие разведчики, еще только вчера вышедшие из боя.

В чем сказывалась непривычность жизни в спецшколе? Во-первых, обособленность: жили и учились в сосновом лесу в небольшом бревенчатом двухэтажном доме: пять спальных комнат вверху, на двоих каждая, душевая, зал для отдыха, а на нижнем этаже – два учебных класса и столовая. Домашний уют... Две «роскошные кровати с большими теплыми одеялами и коврик перед ними, два шкафа для одежды, два стола и... чистота».

Естественно, дома было все не так. Феклисов вспоминал: «По сравнению с обстановкой, в которой я жил дома (зимой я спал на сундуке за печкой, а летом – в сарае на дровах), новые условия казались райскими». И вот эти десять слушателей, не избалованные вузовским общепитом, естественно, весьма высоко ценили трехразовое питание – вкусное и сытное.

Как и у всей молодежи того времени, в их одежде не было большого разнообразия, тем более стиля. Чаще всего верхняя одежда переходила от старшего к младшему, и следы ее починки никого не смущали. В ШОН слушатели получили новенькое пальто и... шляпу, костюм, ботинки, рубашки... (В конце сороковых годов автор-школьник ходил в перешитом из отцовского пиджака «пальто», а в конце пятидесятых, в годы учебы в «правнучке» ШОН – ВРШ – Высшей разведывательной школе, – слушателям выдавали только ботинки и отрез застарелого материала на костюм.)

...Набор времени Яцкова состоял из однородного социального происхождения: все были детьми рабочих и крестьян, все были призваны в органы после окончания технических вузов. По мнению слушателей того времени, они с позиции практической работы позднее осознали причину появления технарей в рядах разведки:

«Павел Михайлович Фитин набирал кадры главным образом из числа молодых людей, окончивших технические вузы. Он считал их более трудолюбивыми и изобретательными. Выпускников же гуманитарных вузов, по его убеждению, учили лишь “зубрежке и болтовне”».

Годичная программа школы включала в себя изучение иностранных языков, специальных дисциплин (разведывательного толка), страноведения и отдельных вопросов истории ВКП(б). Ежедневно – шесть часов занятий в классе: три часа на иностранный язык, причем пять слушателей изучали английский, трое – французский и двое – немецкий. Естественно, все начинали с азов, ибо в технических вузах иностранные языки преподавались весьма слабо, да и преподаватели языка в школе не любили переучивать.

Необычностью привлекала учеба по спецдисциплинам: все – по теории разведки, но отдельные слушатели занимались по радиоделу и специфике документирования.

С точки зрения «классической учебы» метод обучения по-своему классический – передача знаний напрямую: в виде бесед практиков из разведки и контрразведки. Причем на теорию приходилось пятьдесят часов – в основном по работе со связями, знания по уходу от наружного наблюдения. Главный упор делался на приемы и способы вербовки агентуры и организацию конспиративной связи с ней.

В школе часто бывал ее начальник Владимир Шарманазашвили. О нем отзывались как о «приветливом и добром грузине». (Занимаясь историей спецслужб, и в частности подготов-

кой сборника по истории ШОН-РАШ-ВРШ-КИ-АВР, приходилось встречаться со «странными ошибками»: дело том, что отчество начальника школы бывало в тройном написании – «Христианович», «Христофорович», «Харитонович»; видимо, настоящее отчество было связано в корне с «христианским оттенком», а «Харитонович» устраивало всех в безбожной стране...)

Рабочее место начальника было в здании на Лубянке, но по мере необходимости он выезжал на объекты школы, разбросанные в ближайшем Подмосковье.

В центре и за океаном

Анатолий Яцков пробыл в штаб-квартире НТР всего три месяца. Ему дали именно этот срок на освоение азов английского языка и все это время готовили к работе в Штатах. Должность в советском представительстве – стажер в консульстве, что означало: без дипломатического паспорта и, стало быть, без иммунитета, положенного дипломатическим работникам.

Тем не менее перед выездом в Америку и Яцкова, и Феклисова инструктировали в НКВД на высшем уровне – Вячеслав Молотов и его заместитель Деканозов, вскоре назначенный послом в Германию.

Историческая справка. Деканозов был послом в момент нападения Германии на СССР. 19 июня 1941 года разведчик берлинской резидентуры получил тревожную информацию от ценного агента в гестапо Брайтенбаха о том, что «Гитлер нападет на Россию в 3 часа в ночь на 22 июня».

Резидент Кобулов (и Деканозов, и Кобулов были «людьми Берии») не решился отправить это предупреждение по каналам госбезопасности, ибо знал отрицательную реакцию Кремля на подобную информацию. Он обратился к послу Деканозову с просьбой направить сведения по каналам НКВД, но для НКВД.

К сообщению ценного источника Берия отнесся скептически и доложил Сталину эту информацию среди других вопросов как бы между прочим. Он представил ее как исходящую от подпавшего под панические настроения в Берлине советского посла. И было принято решение: посла отозвать. Не успели – началась война.

Кобулов-резидент был случайным человеком в разведке, но не Деканозов, который одно время ее возглавлял. Он оценил значение сообщения агента и в условиях еще продолжавшихся репрессий в стране решил идти наперекор «мнению Кремля»...

...Анатолий Яцков об этом тревожном периоде в жизни страны вспоминал как о первых днях пребывания в Штатах:

«Когда мы приехали в США, обстановка была гнуснее не придумаешь. Антисоветская пропаганда умело воспользовалась пактом Молотова – Риббентропа. И отношение к советским людям было соответствующее. Оно изменилось лишь после 22 июня 1941 года».

...Как с грустью шутил Анатолий Антонович, в нью-йоркскую «легальную» резидентуру он «попал с корабля на бал». Только что провалился резидент. Многоопытный разведчик Гайк Овакимян попался на подставленном ФБР агенте. И потому в резидентуре свежие силы в лице Яцкова и Феклисова оказались весьма кстати. Ведь к тому времени малочисленная резидентура располагала многочисленной агентурой.

Здесь в тридцатые – начале сороковых годов активно поработали и сам Овакимян, и «ас разведки» Семенов, и Виктор Лягин, будущий Герой Советского Союза, подпольщик в Николаеве. Причем все они отличились и по делам НТР. Правда, тогда еще эта линия не была сформирована в самостоятельную – и создавали ее уже в годы войны Яцков и Феклисов под руководством идеолога и стратега НТР Леонида Квасникова.

Самокритичный в жизни, Анатолий Антонович вспоминал, что, как ни странно, но со своим трехмесячным знанием английского он «не чувствовал себя белой вороной» ни в консульстве, ни в посольстве, ни в делах резидентуры.

КВАСНИКОВ Леонид Романович (1905–1993). В органах госбезопасности с 1938 года. Руководитель НТР в 1939–1963 годах. Выезжал с разведзаданиями в Германию и Польшу (1939–1941). Инициатор и организатор по добыванию сведений об атомных работах в Гер-

мании, Англии, США, руководитель агентурной сети атомной разведки в США (1943–1945). Инициатор сбора сведений по кибернетике (1940–1950-е годы). Идеолог и стратег НТР в послевоенные годы. Присвоено звание Героя России в 1996 году, посмертно.

Еще для Яцкова-Яковлева (он в Штатах выступал под этой фамилией) был удивительным тот факт, что вскоре он вышел на «кадровых специалистов, владевших русским». Как стало ясным, их средой обитания была белая эмиграция, далеко не всегда лояльно настроенная к «людям из Красной России».

Но для оперативной работы Яцкову требовался иной уровень связей, а значит – иной класс профессионализма. А пока в общении с иностранцами, как рассказывал Яцков, он мучился сам и мучил собеседников, ведя прием в консульстве на английском языке... без помощи переводчика. Но день изо дня приходил опыт, настойчиво подкрепляемый практикой.

И вот что характерно для Яцкова-Яковлева: нередко после собеседования он догонял на улице «приглянувшегося» ему посетителя и таким образом заводил знакомства. И прием сработал: его сеть оперативных связей пополнялась и даже в его агентурной сети появились ценные источники информации.

И все же – три месяца изучения английского... Видимо, натерпевшись с проблемой языка, по этому поводу Яцков вспоминал:

«Трех месяцев, которые мне выделили на изучение английского языка, конечно же оказалось недостаточно. Когда я высадился на американскую землю, то трясся от страха. Хорошо еще, что мне вначале поручили принимать посещающих консульство американских граждан. Постоянные контакты и беседы с ними помогли мне быстрее освоить язык. Но, разумеется, не столь быстро, как я этого хотел бы».

И вот – «момент истины» в делах НТР. Дело в том, что идеолог и стратег НТР Леонид Романович Квасников еще в сороковом году интуитивно распознал перспективы атомной тематики в делах разведки и на свой страх и риск ориентировал на нее ряд резидентур. И именно для работы в первую очередь «по атомным делам» его направили в Америку, и в январе 1943 года он прибыл в Нью-Йорк.

А при чем здесь «момент истины», когда речь идет о разведчиках? Едва ли интуитивно, но Квасников забрал в свою команду «толковых молодых людей» – Яцкова и Феклисова. И с их помощью развернул специальную резидентуру – научно-технической разведки («свои» разведчики, «своя» агентура, «своя» связь с Центром).

Вот так Яцков-Яковлев попал под начало разведчика-ученого Леонида Квасникова. Позднее говорили, что, мол, тут и попадать под его начало было нечего – обе резидентуры трудились под одной крышей, тесно взаимодействуя и не проводя между собой «линейных водоразделов». (Но не так было в трагическом 41-м, когда немецкие войска стояли под Москвой, и еще не было ни битвы за нее, ни Сталинграда... Тогда все силы разведчиков и агентов были брошены на добывание разведывательной информации в помощь воюющей Красной Армии – для правительства, военачальников и трудового тыла с его лозунгом «Тыл – фронту».)

Историческая справка. Перед отъездом на должность главы трех резидентур в США талантливого разведчика Василия Михайловича Зарубина вместе с начальником разведки Фитиным принимал И.В. Сталин. По его мнению, главные усилия резидентуры в США должны были направить на то, чтобы помочь выиграть войну. Сталин поставил конкретные задачи:

– следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и вместе не пошли бы против Советского Союза;

- добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;
- выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
- пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;
- добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

И команда Квасникова, ориентированная на последнюю строку вождя в добывании информации, на годы вперед была нацелена на конкретную работу в стране неустойчивого союзника по антигитлеровской коалиции. Ведь наши люди в советской колонии в Америке были свидетелями по сути своей антисоветского призыва, прозвучавшего с Капитолийского холма из уст сенатора Гарри Трумэна:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Это циничное откровение будущего президента США (1945) было сделано не в узком кругу сенаторов, а на всю страну и мир в крупнейшем издании «Нью-Йорк таймс», причем на третий день нападения Германии на СССР – 24 июня 1941 года.

* * *

...Первая встреча со связью... Кто работал в разведке, знает, что это за событие в его оперативных первых шагах! На эту первую встречу Яцков шел не один. Надо было принять агента от уезжающего в Союз разведчика. Скрытно, на автомашине, их вывезли в город и высадили возле станции метро.

Яцков воспользовался этим случаем, чтобы на практике уловить все тонкости «проверки» от слежки и «естественных отрывов», необходимых разведчику при проведении конспиративной встречи. Встреча и знакомство произошли на довольно оживленной улице. И оперативное письмо от своего имени в Центр Яковлев-Яцков уже подписывал своим оперативным псевдонимом – Алексей.

Теперь Яцков-Алексей был занят, казалось бы, рутинной работой на «оперативном поле». А это – выверенные по часам встречи с агентурой. О рутинности Алексей вспоминал: появилось ощущение кажущейся монотонности и притупление чувства опасности, что чуть было не подвело его. Он так уверовал в свои силы и способности, что, как он говорил, «случилось то, что должно было случиться».

Правило графика встреч требует отмечать назначенные встречи, а тут он положился на свою память. И вот оплошность... Позднее, уже преподавая в Краснознаменном институте, Анатолий Антонович приводил пример с этой его «оплошностью».

Дело в том, что это в кино, говорил он, разведчик запоминает с первого взгляда тексты и чертежи. «В жизни подобное суперменство – большая редкость». А тут речь шла об особенностях назначения очередной встречи с агентом. Тогда Алексей твердо назначил день и час, и они перебрали несколько вариантов мест встречи.

Но когда наступил этот день, он не мог вспомнить: на каком варианте они договорились? В конечном счете память и впрямь оказалась профессиональной, но пришлось заново пройти по всей цепочке рассуждений, прежде чем восстановлен был достойный вариант места встречи. Анатолий Антонович сравнивал такое «восстановление» с логикой шахматного игрока (шах-

маты, а он был разрядником, как и стрелком из личного оружия, прошли через всю его жизнь чуть ли не главным увлечением вместе с теннисом).

В том случае все закончилось благополучно, казалось бы, но только сам он, подчеркивал Яцков, на всю жизнь «сохранил чувство вины за допущенную оплошность».

Завтра была война... В работе Яцкова-Яковлева-Алексея рабочий день по времени распределялся на прием посетителей до обеда, а после обеда и вечером – работа в городе и резидентуре. Главное задание: приобретение связей, пока используя официальное прикрытие. Те, с кем общался Яцков – и американцы, и советские люди в Штатах, – все же находились в тревожном ожидании.

В Первую мировую войну американцы отсиделись за океаном, вступив в войну лишь в 1916 году. Главы транснациональных корпораций нажились на поставках в воюющую Европу оружия. И вывезли из разрушенного Нового Света «мозговой капитал» – элитных ученых и специалистов в различных областях науки и техники. Причем сделал это специальный батальон, посланный в ведущие в промышленном отношении европейские страны. Задача его была проста: где уговорами, где обманом, где силой талантливых личностей увозили в Новый Свет.

И если в начале двадцатого века на научные и технические исследования Америка тратила лишь миллионы долларов, то к концу тридцатых годов – уже миллиарды, прочно завоевав первенство в промышленном мире с отличной базой для развития науки и техники. И появление за океаном сотрудников научно-технической разведки полностью соответствовало предвидению вождя о том, что «новейшая секретная военная техника» должна стать предметом разведывательного информационного интереса советской разведки.

Это было время, когда обстановка в Европе изо дня в день накалялась. Как говорил советский посол в США, прекрасный дипломат Константин Александрович Уманский, *«Гитлер готовится к нападению на СССР, и войны с Германией при всем желании, видимо, не избежать»*. Говорил это авторитетно, подтверждая сказанное фактами, хотя и не всегда его высказывания нравились в Кремле.

Сколь компетентным могло быть мнение этого посла, говорит Александр Феклисов в своих воспоминаниях «Признания разведчика», отзываясь о нем как о замечательном дипломате:

«Уманского справедливо считали человеком незаурядным. Он начинал свою профессиональную карьеру журналистом... Перед войной нередко переводил для Сталина.

Умел четко излагать мысли, не пользуясь никакими записками, и был прекрасным оратором. Он сам работал над важными документами и быстро решал все сложные вопросы. Будучи уверенным в неизбежности войны с фашистской Германией, он продолжал встречаться в Вашингтоне с немецким послом и старался выведать у него нужную информацию».

Как уже говорилось, Штаты встретили Анатолия Яцкова откровенно враждебной атмосферой. Отношения наших стран были крайне натянутыми. Появление пакта Молотова – Риббентропа о ненападении между СССР и Германией американская пропаганда восприняла как «вал доказательств» о том, что Советский Союз – друг гитлеровской Германии.

Однако газеты, журналы и радио замалчивали тот факт, что Москва была вынуждена пойти на этот пакт ввиду двуликой политики правительственных кругов Англии и Франции, недвусмысленно подталкивающих Гитлера к походу на Восток против Красной России.

Справка. Но еще в годы войны, в 1944 году, государственный чиновник высокого ранга в американской администрации отдал должное этому шагу советской стороны. Заместитель госсекретаря С. Уэллис так оценил появление пакта за несколько дней до начала Второй мировой войны:

«С практической точки зрения важно отметить, что советско-германское соглашение дало возможность советскому правительству добиться преимуществ, которые два года спустя, когда произошло давно ожидаемое нападение Германии, сыграли для Советского Союза огромную роль».

* * *

В канун агрессии Германии против СССР антисоветская политика Штатов ни на час не прекращала своей активности, начиная с момента появления Страны Советов. Атмосфера вокруг пакта дала новый толчок в противостоянии с СССР.

Конгресс США принял законы с требованием сворачивания торговых отношений между странами и экономических отношений в целом. Часть компаний прекратили поставку ранее заказанного оборудования, потребовали отозвать из Штатов всех приемщиков такого оборудования. Фактически торговля со Штатами прекратилась. Число советских командированных в страну убывало с каждым днем. По отношению ко всем русским велась активная работа ФБР – слежка, прослушивание, провокации...

Дальше – больше, вот что происходило в политике Штатов на глазах разведчика Яцкова. Союзники не выполнили своего обещания. Они высадили войска в Нормандии лишь 6 июня 1944 года – через три года после нападения фашистской Германии на СССР и когда исход войны уже был предreshен. В этом случае неустойчивые союзники руководствовались принятым еще в 43-м году «планом Ренкина» о «недопущении советских войск в Европу» (кстати, содержание этого плана разведка доложила в Кремль чуть ли не на следующий день после его появления).

Политика затягивания открытия Второго фронта стала абсолютно понятной десятилетия спустя, когда этот факт был подтвержден рассекреченными архивными документами американской администрации. И главное в них – это аргументированное обозначение цели: обескровить СССР в его единоборстве с Германией и ее союзниками, а затем навязать свою волю обессиленным участникам войны – как Советскому государству и поверженной Германии, так и всем миру.

Справка. В этом свете зловеще выглядят два признания конгрессмена Гарри Трумэна, будущего первого послевоенного президента США. Одно из них было сделано в первые дни агрессии Германии на СССР с акцентом, кому нужно помогать в случае успехов на советско-германском фронте – Германии или России, но «... пусть они убивают как можно больше».

А уже в дни ожидаемого взрыва первой американской атомной бомбы другое обращение президента Трумэна ко всем ветвям власти звучало недвусмысленно агрессивно: «Если бомба взорвется, а это так и будет, то у меня появится хорошая дубинка для этих русских».

И ничего нет удивительного, что еще в дни войны и после нее в Москву стала поступать информация о появлении в стенах Пентагона все новых планов атомной атаки русских.

Наши разведчики на себе испытывали тяжесть такой атмосферы. И все же надеялись, что война не состоится в скором времени. Именно в этой сложной среде происходило становление разведчика Яцкова-Яковлева-Алексея, а в будущей переписке с Центром по атомным делам – Джонни.

Агент из рук аса разведки

Начинающего коллегу выручал Твен – Семен Маркович Семенов. Будучи всего двумя годами старше Яцкова, Твен добровольно взял на себя роль наставника. Он, кадровый разведчик, изучал технические дисциплины в Массачусетском университете и в 38-м году получил степень бакалавра. В совершенстве владел английским и, что самое главное для работы по линии НТР, хорошо разбирался в технической терминологии на языке. В этих вопросах для коллег в резидентуре он был просто незаменимым. Его работа в Штатах была оценена орденом.

Именно Твен передал Яцкову-Алексею для связи с Клаусом Фуксом агента Раймонда – Гарри Голда. И когда Семенова перевели в Париж, Яцкову очень недоставало помощи старшего товарища. А что говорить о расшифровке полученных материалов? Ведь сложные математические формулы нужно было передавать телеграммой. Позднее Яцков говорил: *«... приходилось попотеть, переводя с математического языка на телеграфный, да так, чтобы в Москве смогли расшифровать»*. Но и оценки на полученные от разведки материалы приходили в Центр из-под пера главы проекта Курчатова более чем значительными – с двумя подчеркиваниями их важности: *«Перспективы этого направления необычайно увлекательны»*.

Конечно, наши ученые, незнакомые с происхождением поступающего к ним материала исследовательского характера, не ведали о природе некоторых готовых результатов. Сами находясь в обстановке сверхсекретности, они могли предполагать, что опыты, требовавшие уникального и дорогостоящего оборудования, ставились на других отечественных объектах.

И вот парадокс: находя ошибки в предлагаемых для проверки расчетах, они, по-видимому, грешили на своих неведомых советских коллег, ибо не подозревали, что поправляют заокеанских светил высочайшего ранга – возможно, нобелевских лауреатов?! Ведь принцип «перегородок» был взят на вооружение не только генералом Гровсом. Он был характерен и в Союзе еще задолго до американского атомного проекта, включая особенности работы наших ученых и специалистов в шарашках.

А вот утечка информации из-за «океанской стены секретности» была вызвана, а точнее, прекрасно организована активной работой советской разведки. Причем весьма малыми силами разведчиков и их агентов, в той или иной степени связанных с работой над атомной проблемой. И еще мужественными помощниками – связными.

Клаус Фукс... Он, особенно он, помог советской стороне ускорить решение проблемы атомного оружия на срок от десяти до трех лет, а его информация по термоядерной (водородной) бомбе дала возможность начать эти работы в Союзе даже раньше, чем в США.

И какая же цена этому потоку информации, проходящей через руки разведчиков и в Лондоне, и в Нью-Йорке? Эта ценная информация от компетентных источников-атомщиков поступала к отечественным ученым *бесплатно*.

Об этом факте, в частности из жизни разведчиков, агентов и помощников-связных, поведал историограф НТР Барковский: *«Самая дорогая информация стоит пять минут страха и две оглядки»*. Однажды сделанная в шутилой форме во время традиционного «чаепития на факультете» НТР в Институте разведки, и для Владимира Борисовича, и для его коллег была воспринята с понимаемой грустью. Ибо такова была расплата за риск...

Много позднее более пространно мотивы работы источников информации с советской разведкой пояснил Анатолий Антонович:

«Наши помощники знали, что оружие массового уничтожения форсированно создавалось в конце Второй мировой войны не против уже сокрушенных фашистской Германии и милитаристской Японии. То, что работы велись втайне от советских союзников, убедительно показывало, для кого предназначены ядерные заряды. Руководствуясь не только симпатиями

к социализму, но и здравым смыслом, ученые-физики были убеждены, что единственной возможностью предотвратить третью мировую войну является создание адекватных вооруженных сил в СССР».

ФУКС Клаус (1911–1988). Ценнейший агент внешней разведки госбезопасности (1941–1950). Подпольный коммунист, инициативно согласился работать с советской страной. Крупный германский физик-теоретик, британский подданный. В годы войны работал в центрах атомных исследований Британии и США (1941–1950).

В результате предательства был арестован, судим и приговорен к 14 годам тюремного заключения. Досрочно освобожден (1959). Заместитель директора Института ядерных исследований в ГДР (1959–1988).

В своих воспоминаниях Александр Феклисов, десятилетие работавший с Клаусом Фуксом по обе стороны Атлантики, рассказывает, как лишь однажды ему удалось навязать этому помощнику-другу причитающееся вознаграждение:

«Я по-дружески попросил Клауса принять конверт. Принять не как ценность, а как символ благодарности и уважения к нему советских людей... Фукс взял предложенный пакет, заметив, что принимает его именно в таком качестве. Часть суммы он, по его словам, намеревался переслать больному брату, который во время войны сидел в нацистском концлагере».

Так за что «платили» разведчики «пятью минутами страха»... Вот как оценивает полученную от разведки информацию Игорь Курчатов (март 1945 года):

«Материал представляет большой интерес: в нем, наряду с разрабатываемыми нами методами и схемами, указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались».

Даже ближайших сотрудников не решался глава отечественного атомного проекта знакомить со всем объемом развединформации. Не решался и не имел права! И все время «круг допущенных» был крайне ограничен.

Трижды Герой Социалистического Труда Юлий Борисович Харитон удивился, когда увидел курчатовский автограф с просьбой допустить к ознакомлению с документацией «проф. Харитона», кроме... определенных страниц: *«Я-то считал, что знаком с информацией в полном объеме. Материалы разведки я читал в Совете Министров, в его Первом Главном управлении, ставшем впоследствии Минсредмашем... Иногда они поступали на объект».*

И только через пятьдесят лет разведчики-атомщики пригласили академика Харитона в Службу внешней разведки в Ясенево, и здесь, в Кабинете истории разведки, он встретился с Анатолием Яцковым и Владимиром Барковским. Встретился, несомненно, с историческими личностями, снабжавшими создателей советского атомного и термоядерного оружия ценной информацией из-за рубежа.

Тогда и потом академик говорил: *«Работа была выполнена огромная и очень полезная. Без преувеличения героическая работа. Я отдаю должное смелости этих людей. Особенно высокой оценки заслуживает информация Клауса Фукса по атомной бомбе».*

А на вопрос: задумывался ли академик над последствиями начатых им работ по атомному оружию, ответил предельно ясно: *«Нам было не до этого. За страну было страшно. Ясно, что “там” уже работают над бомбой».*

Ссылаясь на воспоминания академика Дмитрия Сахарова, Харитон согласился с ним в том, что *«в разведке источники информации, наверное, не ограничивались одним Фуксом. Секретность скрывает правду об очень многих людях, искренне веривших нашей стране и по-крупному помогавших ей не за страх, а за совесть».*

И Юлий Борисович пояснил, что один из таких ученых «с левыми взглядами» бывал еще в 37-м году в Ленинграде, вернулся в Англию и оказался в атомном центре Лос-Аламос. Здесь он уговаривал главу американского атомного проекта Оппенгеймера передать информацию о бомбе советской стороне. Но все ограничилось только уговорами. А Фукс, говорил академик, пошел дальше, передавая материалы в Москву, причем подошел к этому вопросу с разумной и практической стороны.

Свое отношение к Клаусу Фуку Харитон однажды выразил следующим образом: *«Я в свое время предлагал Устинову (он был секретарем ЦК и курировал наши вопросы) наградить Фука. И он был согласен, вроде бы даже пытался. Но ничего не удалось...»*

* * *

...И вот наступил победный над атомом год – 1949-й, 29 августа. В Союзе испытали первую отечественную атомную бомбу. Большая группа ее создателей была отмечена наградами. В длинном списке нашлось место шестерым разведчикам: руководителю атомной разведкой Леониду Квасникову – орден Ленина, резиденту в Лондоне Анатолию Горскому и атомным разведчикам Семену Семенову, Владимиру Барковскому, Александру Феклисову, Анатолию Яцкову – ордена Трудового Красного Знамени.

Эпиграфом к подвигу всех тех, кто воссоздал к жизни атомную отрасль промышленности нашего Отечества: ученых, специалистов, рабочих и разведчиков, – может быть безоговорочно признано вещее высказывание в Кремле в 1949 году главы страны Иосифа Сталина:

«Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испытали бы этот заряд на себе...»

Глава 2. Вокруг атомной бомбы

1 мая 1945 года, когда до капитуляции оставались считанные дни, новый американский президент (Рузвельт умер 15 апреля) собрал секретное совещание. Атомная бомба была уже готова. Рассматривались возможные варианты ее использования против Японии. Правда, ученые предлагали взорвать ее на безлюдном острове в океане. Решительно настроенные генералы советовали не церемониться, а просто выбрать город-мишень.

Через несколько дней закончилась мировая война в Европе. Советский Союз, добившись безоговорочной капитуляции Германии, на правах победителя взял трехмесячную передышку для наступления на Японию. Но надо было определиться в отношениях с союзниками, а военные действия против японцев могли подождать...

16 июля США провели испытание бомбы. Гигантский огненный шар над пустыней Невада в Нью-Мехико и то облако ушедшего вверх всего окружающего позднее назвали атомным грибом. Событие поразило всех присутствующих. Так было возведено о начале новой эры в военном строительстве и международной политике.

Политика и бомба

Потсдамская конференция, казалось бы, – это «Большая тройка»... Правда, вместо Рузвельта – Трумэн, занявший пост президента США после неожиданной смерти трижды избранного народом и весьма популярного в стране Франклина Рузвельта.

Так почему – в кавычках? К этому победному году во всем мире понятие «Большая тройка» навечно закрепилось за главным победителем фашизма Иосифом Сталиным, активно поддерживающим его Франклином Рузвельтом и «Хитрым лисом» Уинстоном Черчиллем.

Так было на Тегеранской и Ялтинской конференциях, где решались судьбоносные для планеты Земля вопросы: борьба и разгром фашистской Германии, ленд-лиз американских поставок в Европу и Советскую Россию вооружения, наконец-то открывшийся в сорок четвертом году второй фронт, послевоенное устройство мира...

Потсдамская конференция – это своеобразный Рубикон с... атомным привкусом. Еще при первой встрече со Сталиным празднично настроенный американский президент пожимал ему руку. А спустя два дня он станет вдруг раздражительным и, по словам Черчилля, начнет указывать русским, что и как им делать. Так в нем прорвалось нервное напряжение, которое он еще с первых шагов в роли президента выразил в коротком замечании: *«Если бомба взорвется, а это так и будет, то у меня появится хорошая дубинка для этих русских».*

Именно в ходе этой конференции новый президент Трумэн неожиданно и почти демонстративно изменил свое деланое расположение к советскому вождю – главнокомандующему и главе государства. Узнав об успешном испытании первой атомной бомбы, он не смог подавить в себе возникшее теперь высокомерие по отношению ко всему советскому. Трумэн уже потирал руки, предвкушая возможность шантажировать Советы.

Тогда, на конференции, причину разительной перемены в поведении американского президента скрывать от британского премьера не стали: мол, получена телеграмма от министра обороны США – это было сообщение под кодовым названием «Святая троица» – испытания прошли успешно. Соединенные Штаты обрели «оружие превосходства», как они считали, над любым потенциальным противником («троица» – это: первая бомба – в пустыне, две другие – для японских городов).

А уже 6 августа бомба, нареченная «Малыш», в одно мгновение разрушила древний город Хиросиму, унеся, по предварительным подсчетам, более семидесяти тысяч жителей. Через три дня, 9 августа, бомба «Толстяк» уничтожила Нагасаки, город-порт, куда в середине XIX века прибыл первый посланец Америки адмирал Пирри, причем не с мирными намерениями, а с категорическим требованием и угрозой корабельных орудий: открыть Страну восходящего солнца для торговых сношений с Западом.

Сегодня уже и политологи, и государственные деятели, и крупные военные специалисты всего мира «прибились к одному берегу» в оценке этих варварских бомбардировок японских городов: *«акция, не вызванная военной необходимостью»; «уничтожение более сотни тысяч мирных жителей, прежде всего преследовало цель устрашения Советского Союза».*

Справка. Уже через год в докладе «Американская политика в отношении Советского Союза» (1946) убийственная по своему изуверскому звучанию мысль нового американского президента прозвучала в виде конкретной директивы:

«Соединенные Штаты должны говорить языком силы... Надо указать советскому правительству, что мы располагаем достаточной силой не только для отражения нападения, но для быстрого сокрушения СССР в войне... США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну... Война против СССР будет тотальной, и куда в более страшном смысле, чем любая прошедшая война».

* * *

...Правда, Гарри Трумэн был озадачен реакцией Иосифа Сталина на сообщение о факте взрыва американцами первой атомной бомбы. (В преддверии Потсдамской конференции Яцков встречался со связником, который получил сведения о точной дате взрыва атомной бомбы от агента-физика в Лос-Аламосе. Леонид Квасников заранее сообщил в Москву о дате – 10 июля 1945 года, однако взрыв произошел только 16 июля. И тому были объективные причины: в тот день ветер с Атлантики дул в сторону континента и испытание перенесли, пока он не изменил направление...)

Итак, 18 июля 1945 года, Потсдам... В руках Трумэна телеграмма об успешном испытании американцами атомной бомбы. Он знакомит Черчилля с содержанием телеграммы, и они принимают решение сообщить об этом событии Сталину. Договорились сказать ему об атомной бомбе как бы невзначай, в самой общей форме. Вот как свидетельствует об этом факте дочь президента Маргарет Трумэн:

«Мой отец подошел к советскому лидеру и сообщил ему, что Соединенные Штаты создали новое оружие “необыкновенной разрушительной силы”. Премьер Черчилль находился в нескольких шагах и пристально наблюдал за реакцией Сталина. Тот сохранил поразительное спокойствие... Мой отец и Черчилль пришли к заключению, что Сталин не понял значения только что услышанного».

Что произошло? И как должен был Сталин отреагировать на это сообщение? Вероятно, главным было не подать виду, что он уже что-то знает об атомной бомбе? Участник Потсдамской конференции маршал Жуков в своих воспоминаниях писал об этом «общении» двух лидеров:

«После одного заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной... В момент этой информации, как писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И.В. Сталин не понял сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал: “Цену себе набивают”. И.В. Сталин рассмеялся: “Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы”».

Руководитель нашей страны знал об атомной бомбе американцев больше, чем президент Штатов и все его окружение. Генерал Гровс, отвечающий за сохранение секретов ее создания, возвел такую «стену секретности» в местах ее разработки и изготовления, через которую ни одна разведка не смогла проникнуть, кроме... советской. Точнее, советских разведчиков и их агентов-информаторов.

И искусенный в политических играх новый американский президент на этот раз сильно заблуждался. Еще в декабре 1942 года в Чикаго выдающийся итальянский физик Энрико Ферми, бежавший от диктатуры Муссолини, осуществил пуск первого в мире ядерного реактора. И об этом факте сообщил советскому резиденту в Сан-Франциско внедренный в «группу

Ферми» источник информации условной фразой: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света».

Именно эта информация лежала в основе спокойного восприятия Сталиным заявления Трумэна о взрыве первой атомной бомбы. Ибо к моменту этого разговора в Союзе уже три года наши ученые и разведчики работали над созданием отечественной атомной бомбы.

Справка. Появление ядерного реактора существенно продвинуло работу в Штатах, а значит, и... в Союзе; в Германии же, как сообщала разведка, такой реактор не смогли построить в связи с принципиально неверным путем в его конструировании.

И еще о «реакторе Ферми», который на основе данных разведки так и называется у наших ученых: в 1996 году, в дни присвоения нашим разведчикам-атомщикам звания Героя России, один из них – Владимир Барковский – на торжествах в Академии внешней разведки вручил автору этой книги кусочек графитовой оболочки из отечественного реактора. И теперь в Кабинете истории разведки на стенде, посвященном Героям России – атомщикам, кусочек оболочки реактора напоминает о том, что его передал в музей один из них – Владимир Борисович Барковский).

* * *

...В преддверии встречи «Большой тройки» в Потсдаме на столе у Сталина лежала докладная, подготовленная для Берии Леонидом Квасниковым и Павлом Фитиным (февраль 1945 года):

«НКГБ представляет информацию, полученную агентурным путем, о ходе работ по созданию атомной бомбы большой разрушительной силы... Предполагается, что для изготовления такой бомбы потребуется минимум один год и максимум пять лет. Что касается бомб несколько меньшей мощности, то сообщается, что уже через несколько недель можно ожидать изготовление одной или двух бомб... Первый опытный “боевой” взрыв ожидается через 2–3 месяца».

Бомба была взорвана 16 июля 1945 года. И советское правительство приняло решение об ускорении создания собственного ядерного оружия. Ибо после трагедии Хиросимы и Нагасаки стало понятным, что это оружие не только является самым разрушительным в истории человечества, но что оно будет определять основу для развития послевоенных международных отношений.

Три «гениальных» пророчества

Итак, война была позади... Позади остались заблуждения Гитлера по поводу возможности создания «оружия возмездия» и... (первое *пророчество*). А ведь в 40-м году нацистские ученые-физики заполучили в оккупированной Бельгии половину мирового запаса урана. Другой половиной располагали Штаты...

Появление этой половины в гитлеровской Германии стало веским поводом для серьезной тревоги в среде тех, кто, пусть даже гипотетически, рассматривал возможность создания мощнейшего взрывчатого вещества на основе спонтанного деления урана. Об этом еще в восьмидесятые годы девятнадцатого века высказывал предположение будущий президент советской Академии наук Владимир Иванович Вернадский (второе *пророчество*).

Тревога в Британии переросла в руководство к началу исследовательских работ в области военного атома (третье *пророчество*). Вспоминает промышленный куратор попытки создания немецкого атомного оружия Альберт Шпеер, будущий министр экономики воюющей на Восточном фронте Германии:

«Гитлер иногда говорил мне о возможности создания атомной бомбы, но было совершенно очевидно, что эта идея выходит за пределы его умственных способностей. Он не мог также осознать революционный характер ядерной физики.

Из 2200 зарегистрированных тем, по которым я совещался с Гитлером, вопрос о ядерном делении затрагивался один раз, но и тогда рассматривался очень коротко. Гитлер иногда высказывал свои соображения о его перспективе, но то, что я сообщал ему о своих встречах с физиками, только укреплял его во мнении о том, что большой пользы от этой работы нет.

...Гитлера явно не радовала возможность того, что находящаяся под его господством земля может быть превращена в раскаленную звезду. Иногда, правда, он шутил, что ученые в своем неистовом стремлении раскрыть все тайны подлунного мира могут в один прекрасный день сжечь земной шар. Но прежде, чем это произойдет, говорил Гитлер, несомненно, пройдет немало времени и он, конечно, до этого не доживет».

Казалось бы, именно субъективная причина в связи с неверием фюрера в идею атомного оружия положила конец нацистским работам над атомом. Но...

Была и объективная реальность, созданная советской стороной: поражение технической мощи Германии в битве за Сталинград. Именно эта военно-стратегическая реальность привела к тому факту, что Гитлер запретил работы по созданию собственного атомного оружия – столь велики были потери вермахта в этом сражении. А «лишних средств», сообщала наша разведка, для появления «эфемерного оружия возмездия» в Третьем рейхе не было.

Гитлер весьма непростительно оплошал, сделав ставку не на атомную бомбу, а на снаряды Фау-1 и Фау-2. Крепко подвела его «гениальная прозорливость».

* * *

Вопрос об этической стороне создания и применения атомного оружия неоднократно возникал в беседах Анатолия Яцкова с представителями прессы и научной интеллигенции. И атомный разведчик стал одним из первых, кто знакомился с результатами испытания первой в мире атомной бомбы в пустыне Аламагордо. Он не стоял на позиции кающегося грешника за свою работу «по атомному делу». Лицемерия в его отношении к бомбе не было и не могло быть.

Ибо речь шла о выживании не только Страны Советов, но и российской государственности как таковой.

Ибо и через семьдесят лет после гибели Хиросимы и Нагасаки с их несколькими сотнями жителей человечество не остается равнодушным к «атомному холокосту». Эти атомные удары разделили мнение населения всех континентов на две архипротивоположные оценки: во всем мире общественность, правительства и целые страны отмечают 6 августа как День траура и скорби, а в США – как праздник овладения атомной бомбой и бомбардировки японских городов. И атомная бомба «Малыш» – для Хиросимы и «Толстяк» – для Нагасаки все еще остаются в Штатах «национальными героями».

Людьми планеты Земля атомная бомбардировка японских городов воспринимается как великий грех человечества перед погибшими в этом атомном аду. Но еще Иоанн Златоуст завещал: *«Не страшен грех, страшно бесстыдство после греха»*. Над «сильными мира сего» в Америке витает этот атомный грех, как дамоклов меч с неизбежным их разящим результатом, если только...

И этот грех руководства и военных в США – в Белом доме, конгрессе, Госдепе и Пентагоне – все еще не притупил их ответственность перед человечеством. Наоборот, явно (и скрытно) окрылил в надежде решить «русский вопрос», как говорил президент Трумэн, с помощью «атомной дубинки».

Справка. Военный советник двух американских президентов – Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна – адмирал Ли свидетельствовал:

«Мы потратили два миллиарда долларов на величайшую в истории авантюру – и победили... Эта многолетняя и дорогостоящая напряженная работа, в которой участвовали лучшие ученые страны и десятки тысяч рабочих, была самым надежно оберегаемым секретом всей войны... Однако американским военным, предвкушавшим, что факт “защиты секретов от русских” абсолютен, было временами весело от предвкушения последующего применения атомного оружия. В их среде родился афоризм: “Лучше ужасный конец, чем ужас без конца”. Само собой разумеется, “конец” предназначался для тех, кто испытает “их” атомную дубинку».

Почему такое неистовство? Для понимания этого следует возвратиться в 40-е годы...

* * *

В преддверии нападения Германии на Советский Союз начальник НТР и его сотрудники обратили внимание на два факта: с одной стороны, в научных журналах продолжалось полное замалчивание ядерной тематики, а тем не менее, с другой стороны, по линии разведки стали поступать сведения о повышенном внимании Запада, включая Германию, к проблеме ядерной физики и атомной энергии. Разведка получала информацию о работах нацистских ученых над созданием «сверхбомбы».

Историческая справка. На работу над «оружием будущего» инициативно обратил внимание ценный агент берлинской резидентуры Брайтенбах, сотрудник в гестапо Вилли Лемон. Он занимал весьма полезную для нашей разведки должность, фактически всепроникающую: ответственный за контрразведывательное обеспечение оборонной промышленности Германии.

В конце 1935 года Лемон присутствовал на проводимых инженером-конструктором фон Брауном испытаниях ракетной техники. Резидент переправил подробный письменный доклад агента в Центр. Информация поступила на высший уровень – к Сталину, Ворошилову, Туха-

чевскому и в РУ ГШ РККА. Перед Лемоном были поставлены вопросы, требующие уточнения, и на ряд из них он сумел найти ответы.

Еще в тридцатые годы от него поступили сведения о работе германских ученых-физиков над сверхсильным взрывчатым веществом. Это была сугубо научная информация с расчетами по ядерной физике. В небольшой группе в штаб-квартире разведки, называемой технической, инициативные сведения агента не были поняты, никому не были доложены и оказались подшиты в дело. Здесь они были обнаружены историографом НТР Владимиром Барковским десятилетия спустя.

ЛЕМОН Вилли (1884–1942). Антинацист, агент внешней разведки госбезопасности (1929–1942). Сотрудник гестапо: руководитель германской контрразведки по борьбе с рабочим движением и слежению за советскими гражданами в рейхе. Ответственный за охрану военной промышленности страны, включая полигоны для испытания новейшего оружия (1936–1942).

Источник ценной информации – военно-политической, военно-стратегической, военно-экономической, контрразведывательной и научно-технической. 19 июня 1941 года сообщил точную дату нападения Германии на СССР – день и час.

Выдан был связным и без суда и следствия уничтожен в подвалах гестапо.

... Накануне войны по инициативе Леонида Квасникова, идеолога и стратега НТР, в резидентуры промышленно развитых стран было направлено указание о необходимости сбора сведений по атомной проблематике. Резидентуры в Берлине, Лондоне и Нью-Йорке были не только ориентированы на характер информации по теме, но получили указание на выявление объектов ядерных исследований и лиц, занятых ими, – физиков-атомщиков. Поставлена была задача: принять меры к агентурному проникновению в центры, занятые такой работой.

Поиск объектов, выявление ученых-физиков, круг первичных вопросов по теме положили начало целенаправленному проникновению в западные секреты создания атомного оружия. Ну как тут не вспомнить древнее изречение: «Целесообразность – это сила, которая превращает возможность в действительность» (Аристотель).

Идеолог НТР Леонид Квасников оказался действительно *провидцем*. Уже в сентябре 41-го года из Лондона поступила обширная информация: ввиду опасности появления атомного оружия в фашистской Германии идея разработки атомной бомбы в Британии приобретает реальные очертания.

Дальше – больше: были получены документальные сведения о секретных решениях между Британией и США скоординировать усилия по разработке атомной проблематики. Это было связано с тем фактом, что Британские острова подвергались интенсивной бомбардировке со стороны германских люфтваффе и ракетами. В то время как Америка в спокойной обстановке, обладая научной и производственной базой, а также финансовыми возможностями, готова была принять на себя все вопросы создания атомного оружия. Правда, при условии передачи технологии изготовления и самой бомбы «в руки правительства Соединенных Штатов».

И тогда на территории Штатов появился проект «Манхэттен», интерес к которому «неофициально» проявила советская сторона, создав в конце 1942 года Лабораторию № 2 АН СССР – главный центр отечественных атомных исследований.

В середине января 1943 года Леонид Квасников направился в США с целью руководить агентурным проникновением в американский центр атомных исследований в Лос-Аламосе и наладить получение информации о разработке там атомного оружия. Естественно, нашим ученым требовалась секретная, документальная и актуальная информация о характере и уровне работ над проблемой в Штатах.

Справка. Руководитель НТР Леонид Квасников работал в Америке под прикрытием советско-американской торговой организации «Амторг» с позиции «Международная книга». В резидентуре, возглавляемой талантливым разведчиком Василием Зарубиным, он занимал должность его заместителя по линии НТР, имел право на самостоятельность в принятии решений оперативного характера и личную связь с Москвой.

Итак, с 30-х годов в мире ученых-физиков начало складываться мнение, что исследования по выделению энергии путем расщепления атомов урана могут быть использованы для создания «сверхмощного взрывчатого вещества». Так думали в Германии, Англии и США, Франции и Австрии, Италии, где школы ядерной физики получили широкое развитие с начала нового XX века.

Но только Германия занялась всерьез разработкой этой проблемы, причем именно с момента прихода к власти нацистов. И этим фактом насторожила английских ученых-физиков и их коллег за океаном.

Три прозорливости на факт возможного появления нового оружия чрезвычайной разрушительной силы проявились по-разному: ученые-физики в Германии на определенном этапе своих усилий в этом плане не были поддержаны «прозорливым» Гитлером. Ибо его мнение было, что это «эфемерное оружие» (первый – субъективный – фактор) и что для продолжения работ в рейхе не имеется «лишних средств» (второй фактор – объективный), которые были истощены усилиями Красной Армии в Сталинградской битве.

«Напуганную» угрозой появления атомного оружия Британию – ее научные и правительственные круги – подвигло заняться темой атома, как говорится в народе, засучив рукава. Это привело к широкому исследованию свойств урана (40-е годы). Англичане рассматривали как реальную угрозу попасть под разрушительные атаки английской промышленности со стороны германской авиации и даже возможную оккупацию Британских островов германскими войсками, правда, если случится поражение России на Восточном фронте (!). Все это вынудило английское правительство искать убежище за океаном для своих научных изысканий и доведения атомной бомбы до ее появления (1942).

Справка. Степень опасения за попадание результатов исследований по атомной проблематике в руки нацистов выражена в суровых реалиях войны. Большая группа британских ученых и специалистов, работавших над атомными вопросами, была направлена военно-транспортным самолетом за океан по маршруту Британские острова – Новый Свет. Командир имел приказ: «избавиться от груза» в случае попытки германской авиации перехватить его самолет и попытаться принудить его к посадке.

Конечно, это ужасная мера, но шла мировая война, и Гитлер не должен был ни при каких обстоятельствах получить доступ к информации по созданию атомной бомбы в лагере его противников. И еще потому, что в самом Третьем рейхе немецкие ученые активно работали над изготовлением собственного «оружия возмездия» на той же основе. Ибо на войне как на войне...

Но и в Штатах атомная бомба едва ли могла быть создана, если бы не объективная реальность, связанная с высоким уровнем «исследовательской культуры» в стране в среде физиков-ядерщиков. А их было немало: Альберт Эйнштейн, Роберт Оппенгеймер и другие. Как отмечал Анатолий Яцков, правда, говоря о высоком уровне заслуг в этой области отечественных физиков, *«информация может быть полезной только тогда, когда попадет на «благоприятную почву»»*.

В Штатах «благоприятная почва» была хорошо подготовлена учеными-физиками, собранными американцами еще со времени Первой мировой войны (а во Вторую – беглецами из нацистской Германии, захваченных Австрии и Франции, фашистской Италии). Фактор «бла-

гоприятной почвы» в Штатах был весьма существенный – только в Центре атомных исследований Лос-Аламос за «стеной секретности» работало двенадцать нобелевских лауреатов...

В Союзе «благоприятной почвой» была готовность нашей науки воспринять информацию разведки, ускоряющую собственные отечественные исследования «по теме». И именно тогда случился технологический прорыв (позднее названный подвигом) – нашим ученым и инженерам удалось в невиданно короткие сроки создать целую отрасль современной промышленности – атомной. И в этом случае ученые и разведчики работали в одной упряжке, делая общее дело (1943–1949).

* * *

Кто работал в разведке, не станет удивляться разнообразию заданий, которые приходилось выполнять. В научно-технической разведке это особенно проявляется: разведчики становятся «многостаночниками».

В рукописи автора о судьбе замечательного разведчика Владимира Барковского говорится, что он был направлен на Британские острова в качестве «разведчика общего профиля», причем с уровнем подготовки в разведшколе в десять месяцев.

Вот и наш Герой Анатолий Яцков пересек океан с таким же уровнем подготовки и с такой же «должностью». И вот парадоксальный вопрос: как случилось, что рядовой вузовец с некоторой инженерной подготовкой и начальной разведывательной смог не один год управлять агентурной сетью из числа американских ученых и специалистов? Какими качествами и знаниями он должен был обладать? Наконец, главное: где тот уровень доверия к профессиональной пригодности «разведчика общего профиля», когда ему поручают столь ответственную работу?

И такой он был не один – и в Штатах (Феклисов), и в Британии (Барковский), и в других странах. Но только в Штатах эта работа в конечном счете привела Квасникова, Феклисова, Яцкова и их связанных-интернационалистов к самой высокой награде Родины – Золотой Звезде Героя России!

Автор завершал работу над рукописью о Владимире Барковском, а это было повествование не только об атомном разведчике, но и о его коллегах, самой НТР и обстоятельствах появления атомной бомбы «у Советов». И нельзя было не воскликнуть: «Удивительна Страна Советов – ей всегда везло на преданных Отечеству талантливых людей!»

Известно, что стены помогают... В разведке одна из таких «стен» – прикрытие. И потому разведчик должен быть дважды профессионал: профи как разведчик и профи по прикрытию. А в научно-технической разведке – еще и по проблематике, свойственной источникам разведывательной информации. Выше говорилось, как начинающий разведчик Яцков-Яковлев с позиции консульства стал «просеивать» посетителей и... нашел будущие источники полезной информации.

Вот и получается – Яцков-Яковлев-Джонни воспитал в себе действительно «разведчика общего профиля», но... со знаком плюс. Ибо все три его ипостаси он смог соединить в одну – на пользу разведывательному делу, как долг перед воюющим Отечеством.

И что же говорить о атоме? Там, за океаном и в Европе, тайны атомного оружия открывались людям, имеющим весьма смутное представление о ядерной физике. И наука-то была совсем молодая, и времени на узконаправленную подготовку разведчиков в Центре не имелось. И все-таки «конвейер» работал – к ученым информация поступала.

Так и будет в дальнейшем, ибо сентенцию Альдо Николаи, главы германской разведки в Первую мировую войну никто не отменял. Эту же мысль продолжил французский специалист по научно-технической разведке (Жак Бержье «Промышленный шпионаж»), но применительно к опыту уже Второй мировой войны.

В предисловии издатели отмечают: «В настоящем, как и в будущем, промышленный шпионаж все более развивается и будет развиваться, и автор – специалист научной разведки, бывший в последнюю мировую войну одним из ответственных исполнителей плана разрушения германской ракетной базы на острове Пенемюнде, – ведет нас в этот мрачный мир, где живая действительность... превосходит всякий вымысел».

Только для советских разведчиков и их Отечества проникновение в американские атомные секреты стало праздником – они в конечном счете предотвратили ядерную войну...

Как-то «за чаепитием на факультете» Анатолий Антонович рассказал о странном задании из Центра. Нужно было подтвердить сообщение резидентуры: «В июле ожидается производство первого взрыва атомной бомбы... Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с.г.».

Москву смутило опубликованное для маскировки в американской печати сообщение:

«Аламогордо. 16 июля 1945 года. Старший офицер, командующий авиационной базой, сообщает о сильном взрыве, который произошел сегодня утром на специальной площадке авиационной базы. Взорвался находящийся довольно далеко от базы склад боеприпасов и пиротехнических средств».

Но опубликованное сообщение лишь подтвердило сообщение из резидентуры о дате атомного взрыва и факте его проведения.

Атомная разведка в штатах

Как уже говорилось, вооружившись наставлениями главы ГКО и главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина, главный резидент госбезопасности в США Василий Михайлович Зарубин прибыл в Нью-Йорк. Молодые разведчики запомнили его как замечательную личность и талантливого руководителя по оперативной работе с главным заданием: создать действенную агентурную сеть по линии научно-технической разведки, как это было указано в наставлениях вождя об особенностях оборонного значения ее работы.

Каким предстал перед разведчиками Яцковым (Джонни) и Феклисовым (Калистрат) легенда разведки Василий Зарубин: *«исполнилось сорок семь лет. Среднего роста, полнеющий блондин с редкими волосами, он всегда носил очки в белой металлической оправе. Обладал недюжинной физической силой, прекрасно играл в теннис. Большой жизнелюб, в компании заводила, любил петь, хорошо играл на разных музыкальных инструментах».*

ЗАРУБИН Василий Михайлович (1894–1972). Разведчик-нелегал. Сотрудник госбезопасности и внешней разведки с 1925 года. Работал в Китае, Финляндии, Дании, Германии, Швейцарии и Франции (1925–1933). Активная работа в Германии (1934–1937). Восстановил связь с ценным агентом в Китае в канун войны (1941).

Возглавлял легальную резидентуру в США (1941–1944): политическая, военная, экономическая, научно-техническая информация регулярно поступала в Москву и непосредственно в ГКО, курировал работу атомной разведки.

Работал в центральном аппарате (1944–1948).

Так что же главное подметил Феклисов и чем «пользовался» его коллега Яцков в общении с резидентом Зарубиным: «С подчиненными он держался демократично. Требовал, чтобы его сотрудники были инициативными, смелыми, даже отчаянными. “Смелость города берет”, – часто поучал он молодых разведчиков». Находил время побеседовать с начинающими “охотниками за секретами”... Выговаривал тем, кто в своих действиях слепо придерживался утвержденных планов».

Но до прибытия в Штаты руководителя научно-технической разведки Леонида Квасникова его будущий работоспособный и ответственный коллега Анатолий Яцков уже два года работал в составе нью-йоркской резидентуры, правда, не по научно-техническому направлению. И только с его приездом в главную задачу стало входить создание конкретной направленности агентурной сети по проникновению за «стену секретности» американских центров создания атомной бомбы.

А до этого его наставником был Семен Маркович Семенов, талантливый и весьма результативный разведчик – агентурист с опытом работы в Америке с 1934 года. Он-то и оказал большую помощь начинающему Яцкову.

Прозванный в среде своих коллег Великолепным Твенем, Семенов готовился к отъезду во Францию. И он рассматривал Анатолия Яцкова как замену себе в работе со связями. Семенов делал все возможное, чтобы полнее передать Яцкову накопленный оперативный опыт в работе с людьми и по «технологии» разведывательного творчества. И Анатолий Яцков жадно впитывал в себя навыки мастерства в вопросах конспирации, выявления слежки, операций по связи с ценными источниками информации.

Так какое «оперативное богатство» передал Твен-Семенов своему молодому коллеге? А лучше сказать, доверил ему? Итак, слово о разведчике, чье имя было забыто и только в семидесятих годах поставлено в один ряд с атомными разведчиками, хотя он и не признан официально Героем.

В обширном издании «Разведка Великой Отечественной» (2010) о Великолепном Твене говорится весьма любопытно. Еще будучи в Москве, Василий Зарубин, новый руководитель легальной резидентуры в Нью-Йорке, был много наслышен об инициативном одессите Семене Марковиче Семенове, работавшем в Америке с 30-х годов.

Семенов имел обширные связи среди лиц еврейской диаспоры, занимавшихся научными и техническими изысканиями. Характеризуя Семенова, предыдущий резидент подчеркивал, что на этого разведчика можно положиться при решении самых сложных разведзадач. Поэтому начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин поручил Зарубину поставить новое задание именно перед Семеновым.

Нужно было добыть информацию и образец по технологии производства чудодейственного препарата – пенициллина, столь нужного советским госпиталям и больницам для спасения жизней сотням тысяч раненых на войне.

Советская сторона столкнулась с таким фактом: американские союзники были щедры лишь на готовые лекарства, отпуская кровотокащей войной России ограниченные партии в кредит, согласно ленд-лизу. Секреты производства препарата для русских они не собирались раскрывать ни даром, ни за деньги. Но передаваемые партии лекарства были каплей в море для нашего фронта протяженностью не одну тысячу километров.

Нужен был штамм очищенного американского пенициллина. Было начало 1942 года, и быстрая наладка производства этого лекарства в Союзе являлась вопросом жизни и смерти тысяч советских солдат.

Семенов нашел подход к потенциальному источнику информации – научному работнику фирмы – изготовителя пенициллина, завербовал его и получил от него несколько образцов штамма. И бесценный груз ушел в Москву.

Это один лишь эпизод в работе разведчика Твена-Семенова, который имел в годы войны своим прикрытием «Амторг» и должность представителя «Совэкспортфильма».

Характерна разведывательная судьба этого талантливого разведчика в Америке. США тридцатых годов были на пике своих крупных научных изысканий. И высокоэрудированный в нескольких областях науки и техники Семенов развернулся на разведывательном поприще во всю мощь своих возможностей. Он просил руководство резидентуры лишь об одном: не регламентировать его рабочий день.

Семенов вышел на проблему создания и эксплуатации большой плутониевой установки по производству этого более дешевого сырья для создания атомной бомбы. И через некоторое время в Москву ушел подробный доклад, материалы и чертежи по проблеме разработки атомного оружия (фирма «Дюпон» и университет). Работая с источниками этой информации, три из них были Семеновым привлечены к работе с советской разведкой (Элвис, Аден, Аната).

Затем был крупный ученый Тревор, консультант-конструктор из авиационных фирм «Локхид» и «Дуглас» (сверхсекретные сведения о бомбардировщике, истребителе-перехватчике, штурмовике и экспериментальном высотном самолете).

В начале 1941 года резидент в Нью-Йорке – опытный разведчик Гайк Овакимян – так аттестовал Семенова: *«Агентурная разведка – это его призвание. Он умеет найти подход к любому человеку».*

СЕМЕНОВ Семен Маркович (1911–1986). Сотрудник внешней разведки госбезопасности. Работал в США (1936–1944) и Франции (1946–1949). Стоял у основы создания агентурной сети по линии научно-технической разведки в Штатах. Его ценными источниками информации были ученые и специалисты в области электроники, химии, медицины, авиации, ядерного оружия и атомной энергетики. Разведчик-агентурист.

Уволен из органов в 50-х годах.

В 1943 году в Штаты для работы по атомному проекту «Манхэттен» с Британских островов прибыла группа видных английских физиков-ядерщиков. Среди них был и Чарльз – Клаус Фукс, ценнейший источник информации по атомной проблематике, инициативно установивший контакт с советской разведкой в Лондоне после бегства из нацистской Германии.

Чтобы не подвергать Фукса опасности, Центр дал указание в Нью-Йорк поддерживать с ним контакт эпизодически, причем только через специального связника – ученого-биохимика Голда. И вот, покидая Америку, Семенов передал Голда (а тем самым Фукса) на связь Яцкову.

Как уже говорилось, созданный американскими спецслужбами вокруг ядерного центра в Лос-Аламосе строжайший режим секретности преодолеть нашей разведке с позиции Штатов было крайне сложно. Но...

Американская служба контрразведки не смогла предусмотреть одно важное обстоятельство, которое сработало в пользу советской разведки. Ибо сработал фактор антифашистских настроений в среде американцев – это с одной стороны, а с другой – фактор обеспокоенности ряда американских ученых, рассмотревших труднопредсказуемую угрозу в ядерном оружии для самой антигитлеровской коалиции. Эти ученые обратились к президенту Рузвельту с письмом и предложили ему поделиться с СССР ядерными секретами. Естественно, ответ был отрицательным.

Но фактор симпатии к Советской России, ведущей основную борьбу с фашистской Германией, существенно влиял на настроения американских ученых и специалистов. Именно это явилось причиной того, что на советских разведчиков стали инициативно выходить некоторые ученые, занятые в атомном проекте. И среди таких разведчиков был Анатолий Яцков как советский человек, относительно более доступный на своем рабочем месте в консульстве.

Причем они не только информировали о характере ведущихся в Штатах работ по теме, но и передавали документальные материалы, секретные по содержанию и документальные по форме. И у Яцкова, и у других разведчиков с некоторыми из таких «инициативников» отношения перерастали в постоянное сотрудничество с разведкой.

Анатолию Антоновичу была передана на связь агентурная группа «Волонтеры», в которую входили супруги Морис и Леонтина Коэн. Они стали связниками Чарльза – Клауса Фукса. Для них Яцков-Джонни (для Центра – Алексей) стал длительное время куратором. Анатолий Антонович – Джонни и «Волонтеры» через многие годы вспоминали с волнением сам факт работы с этим чрезвычайно ценным источником атомной информации из самого ядерного центра в Лос-Аламосе.

От Фукса поступали сведения не только теоретического, но технического и технологического характера по исследованиям атомной проблемы. В том числе – особенностей изготовления на ее основе самой бомбы, а это расчеты и чертежи.

Клаус Фукс подробно информировал о строительстве заводов по получению оружейного урана и первым ориентировал советских ученых на работу с плутонием как более дешевым сырьем для бомбы. Сообщил он о предстоящих испытаниях первой бомбы в пустыне Альмогордо.

В 1992 году Анатолий Антонович подготовил статью по материалам Архива внешней разведки России о роли разведки, стоящей у истоков отечественного атомного проекта. В преамбуле к статье редакция журнала писала: *«А.А. Яцков, ветеран разведки КГБ СССР, в 40-х гг. был помощником советского резидента в США и участвовал в обеспечении канала связи между Лос-Аламосом, где создавалась американская атомная бомба, и курчатовской Лабораторией № 2, с начала 1943 г. Взял старт советский атомный проект. Анатолий Антонович принес свою статью о роли советской разведки в решении “урановой проблемы” в СССР, копии уникальных документов, свидетельствующих о значительности этой роли».*

В комментарии к статье говорилось:

«Публикуемые материалы свидетельствуют о вкладе разведки в разработку советского атомного проекта... Узловые моменты в развитии советских работ по созданию атомной бомбы (и первого в Европе ядерного реактора) были связаны с использованием данных разведки. И это, несомненно, ускорило реализацию проекта. Бесспорно, впрочем, и то, что само использование этих данных было возможным в стране, имеющей развитую ядерную физику и достаточно мощный научно-технический потенциал».

Копии документов охватывали период с сентября 1941-го по апрель 1945 года: справки из Лондона, докладные в ГКО СССР и СНК, заключения по материалам разведки Игоря Курчатова. В них, в частности, отмечалось:

«Урановая бомба вполне может быть разработана в течение двух лет», «помимо огромного разрушительного эффекта урановой бомбы воздух на месте ее взрыва будет насыщен радиоактивными частицами, способными умерщвлять все живое...» (1941), «исходя из важности и актуальности проблемы практического применения атомной энергии для военных целей Советского Союза было бы целесообразно создать...» (1942), «направляю записку профессора Курчатова И.В. о материалах по проблеме урана...» (1943), «произведенное мною рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего Государства и науки», «...получение подробного технического материала по этой системе из Америки является крайне необходимым...» (1943), «материал большой ценности» (1945).

...В 1945 году Анатолий Яцков через связную Леонтину Коэн получил от Клауса Фукса уникальные документы по устройству бомбы, подготовленной в двух вариантах: «Малыш» и более мощная «Толстяк», – а затем сообщил о сроках первого взрыва и намерении применить их в Японии.

Вот как выглядели отдельные пункты в сообщении о готовности в Штатах к первому взрыву атомной бомбы, составленном для узкого круга лиц – в госбезопасности, правительстве и ученых-атомщиков: «Бомба типа высокого взрывного эффекта», «конструкция бомбы (размеры, вес)», «запасы активного материала на апрель – урана и плутония»... Сообщалось: «Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с.г. Справка составлена для устной ориентировки ак. Курчатова».

По цепочке «агент Чарльз – связная – Джонни (Яцков)» резидентура получила точные чертежи и описание первой американской атомной бомбы через десять дней после ее сборки в Лос-Аламосе.

Сомнения в достоверности добытых материалов возникнуть не могло, поскольку они пришли от источников, многократно до этого проверенных. Ибо по агентурным каналам и раньше поступала актуальная разведывательная информация, сокращавшая нашим ученым их собственный путь проб и ошибок.

И вот «момент истины»: после взрыва в Штатах и двух бомб, сброшенных на японские города, этот ручеек информации превратился в полноводную реку.

Бомбы Пентагона на русских картах

Атомный разведчик Анатолий Яцков так и не узнал о возвеличивании его подвига в атомных делах до Героя России. Он ушел из жизни в 1993 году. Но он был знаком с американскими планами ядерного нападения на СССР, включая шестнадцатый «Дропшот» от 1957 года. Едва ли американцы дошли до этого плана и не начали войну против нашего Отечества раньше, если бы не усилия атомных разведчиков. Монополия на ядерное оружие Америки была прервана в 1949 году.

Анатолий Антонович был знаком с общим содержанием мыслей Генштаба США о ядерных ударах в рамках официальной американской военной доктрины.

...Уже менее чем через год после окончания великой битвы народов против фашизма в американских штаб-квартирах политиков и военных стали появляться тщательно разработанные планы разгрома Советской России. В высших эшелонах власти в Штатах возникали директивы, кодовые названия которых походили на героев из диснеевских ужасиков: «Тоталити», «Чериотир», «Флитвуд», «Троян», «Пинчер», «Бройлер» и, наконец, «Дропшот» (шестнадцатый). А еще появлялись с названиями в переводе на русский: «Жаркий день», «Партизан», «Хапуга», «Долговая тюрьма», «Испепеляющий жар», «Обезоруживание», «Моментальный удар» и так далее.

И вот что характерно, они многократно менялись со сменой хозяев Овального кабинета в Белом доме. Но следует отдать должное одному постоянному пункту, кочующему из плана в план: количество атомных бомб на фиксированные советские города и количество погибших русских после первого, второго, третьего ударов...

Конечно, нашим атомным разведчикам все эти планы американской стороны стали известны много позднее. Но другие их коллеги получали копии этих планов от агентов в среде самых высших американских и английских чиновников и доводили их до Кремля. Так было в Старом Свете, и так было по другую сторону Атлантики – в США.

В те дни, когда «Большая тройка» заседала в Потсдаме, в Пентагоне раз за разом собирался комитет начальников штабов. На этих секретных совещаниях вырабатывалась принципиально новая военно-политическая концепция «нанесения первого удара в ядерной войне».

В закрытом заявлении говорилось:

«В прошлом Соединенные Штаты были способны придерживаться традиции – никогда не наносить удар до тех пор, пока не будет нанесен удар по ним». В будущем отмечалось уже в новых документах: вооруженные силы должны быть способными «оселомить противника и уничтожить его волю и способность к ведению войны еще до того, как он сможет нанести нам существенный ущерб».

Так вот чем могут гордиться наши атомные разведчики и среди них – Анатолий Яцков: они не дали традиционному противнику российской государственности «нанести первый удар», «оселомить» нас и «уничтожить» нашу волю...

Ведь эта общая военно-политическая установка из 1945 года нашла практическое воплощение в последующих директивах Пентагона: уже в июле и октябре 1945 года, в июне 1947-го и сентябре 1949-го. Причем в последней секретной директиве Трумэна (СНБ-57) концепция нанесения первого удара ядерным оружием, в случае возникновения войны, была внесена в официальную военную стратегию Штатов.

Сведения об агрессивных военных директивах появились в Штатах в 1988 году в исследованиях ученых-физиков под общим названием «США: ставка на победу в ядерной войне. Секретные планы Пентагона». Естественно, в Союзе перевод стал доступен только для ЦК, Совмина, кое для кого в Верховном Совете и госбезопасности. И только после трагических событий 91-го года перевод исследования оказался обнародованным (1993). Один из публици-

стов по этому поводу сетует: «Никак не могу понять: какие такие тайны из этой книги нельзя было обрушить в наше “неокрепшее сознание”? Может быть, это запоздалая констатация?»

К этому времени в нескольких десятках «войн низкой интенсивности» США использовали «принцип многократного шантажа», среди сорока последовательных угроз которого была и угроза применить атомную бомбу. И ведь применяли, хотя, как говорилось, «с низкообогащенным ураном». Но...

Справка. Во время корейской войны летчики американских ВВС были облечены полномочиями на самостоятельное использование тактического ядерного оружия. Командиры в звании капитанов и майоров сами должны были определять, достигла обстановка критического уровня или нет.

Вьетнам... уже введенный в действие план использования тактического ядерного оружия в 1969 году бы отменен в самый последний момент...

Или такое саморазоблачение Никсона:

«Есть теория, что бомба не играла существенной роли в нашей внешней политике после Второй мировой войны. Такая теория получила развитие потому, что бомба очень непопулярна. Но я знаю, что она играла роль в Корее. Она играла решающую роль во время Суэцкого кризиса 1956 года. Она также играла решающую роль в 1959 году в Берлине».

Что имел в виду американский президент, образно пояснил в свое время бывший сотрудник «РЭНД-корпорейшн» Даниэль Элсберг:

«Неоднократно, как правило втайне от американского народа, американский ядерный потенциал использовался... точно так же, как пистолет, приставленный к виску противника, независимо от того, был нажат спусковой крючок или нет».

И атомные разведчики Анатолий Яцков и историограф Владимир Барковский печально иронизировали по поводу постоянно меняющихся американских военных доктрин и планов использования ядерного оружия. Действительно, в этой «горе планов» есть какая-то внутренняя логика в сторону апофеоза «взаимного гарантированного самоуничтожения».

Это «гарантированное безумное будущее» прервали наши атомные разведчики, вовремя проникнув за «стену секретности», возведенную именно против них, русских разведчиков, – Квасникова, Барковского, Феклисова и прямого участника проникновения Яцкова с его помощницей Леонтиной Коэн, имевшей выход на ценных агентов Фукса, Мэя и других, кто оказался по ту сторону «загородок генерала Гровса».

19 мая 1945 года – десять дней всеобщего ликования по случаю Победы... И вдруг заявление заместителя госсекретаря США Джозефа Грю: «Если что-либо может быть вполне определенным в этом мире, так это будущая война между СССР и США». Трудно отделаться от мысли, что «запах пороха» от будущей атомной бомбы кружил голову...

В конце 1947 года на стратегических картах Пентагона чуть ли не единственной атомной мишенью была столица Красной России – Москва. На город, который именно в этом году праздновал свое 800-летие, планировалось сбросить восемь атомных бомб, на Ленинград (250 лет) – только семь. Но уже по плану «Троян» на этих же картах было предусмотрено... семьдесят целей.

Нападение на СССР намечалось на первый день 1950 года и по плану «Дропшот» в 1957 году – первый день уже этого года и уже силами всего НАТО и вероятных европейских союзников.

Опасаясь утомить читателя несколько детализированным подходом к описанию очередной атомной угрозы нашему Отечеству, все же решусь показать «звериный оскал» заокеанских «сильных мира сего» не просто в отношении Страны Советов – Красной России – Советской

России – Советского Союза, а в тысячелетнем стремлении ликвидировать российскую государственность как таковую. Будет показан и «предлог» такой бесчеловечности.

План «Дропшот» (дата нападения – 1 января 1957 года). Намечалось, что вместе с США выступят все страны НАТО и ряд «нейтральных» стран.

Общая стратегическая концепция гласила:

«Во взаимодействии с нашими союзниками нанести удар по военным целям Советского Союза, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Европе и стратегической обороны на Дальнем Востоке... подвергнуть беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов».

План намечал завершить все военные действия на территории Советской России в четыре этапа.

Первый период войны: свыше 300 атомных бомб и 250 тысяч обычных – уничтожение до 85 процентов советской промышленности.

Второй период: продолжение наступления с воздуха и подготовка к наземным операциям сил НАТО – 164 дивизии, из них 69 американских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.